

Аграрный вопрос

I

Вопрос первостепенной важности предстал сейчас перед Европой и требует немедленного разрешения. — Аграрный вопрос, вопрос о том, какова должна быть новая форма владения и обработки земли? Кому будет принадлежать земля? Кто будет ее обрабатывать и как? Никто не станет отрицать всей важности этого вопроса. Те, которые внимательно следят за крестьянским движением в Ирландии, в Англии, в Испании, в Италии и в некоторых частях Германии и России, знают, что в деревнях, среди всеми презираемого класса земледельцев, готовится сейчас грандиозная революция.

Социалистам все еще продолжают возражать, что социальные вопросы интересуют исключительно городских рабочих, не затрагивая крестьян. Если уничтожение частной собственности и экспроприация фабрикантов и заводчиков встречают сочувствие в городах, то дело обстоит совершенно иначе в деревнях. Крестьяне не доверяют социалистам и, если когда-нибудь городские рабочие захотят привести в исполнение свои планы, то деревенские жители сумеют помешать им.

Это возражение имело действительно некоторое значение лет тридцать, сорок тому назад. Тогда крестьяне, менее нуждающиеся и более покорные, не выражали признаков недовольства и предавали себя на волю Божию. Теперь дело обстоит совершенно иначе. Концентрация недвижимых имуществ в руках богачей, развитие все растущего деревенского пролетариата, тяжелые налоги, подавляющие земледелие, вторжение машинного производства, конкуренция Америки и Австралии и, наконец, быстрый обмен идей значительно изменили положение дел за последние тридцать лет. Теперь вся Европа охвачена сильным аграрным движением, которое растет с каждым днем и придаст будущей революции значение, какого она никогда-бы не достигла, если-бы ограничилась только большими городами.

Кто из нас не знает, что происходит сейчас в Ирландии? Восстание против помещиков охватило больше половины страны. Крестьяне не платят владельцам земли арендных денег; если-бы между ними и нашлись желающие это сделать, то они не посмели-бы послушаться Аграрной Лиги — могучей тайной организации, имеющей свои отделения во всех деревнях и строго карающей за неисполнение своих приказаний

Помещики не решаются требовать следуемых им денег, так как пришлось бы прибегнуть к вооруженной силе, а это неизбежно вызвало бы восстание. Если-бы кто-нибудь из помещиков вздумал изгнать крестьянина за невзнос платы, то на защиту последнего выступили-бы тысячи вооруженных крестьян. Да и ферма такого помещика не нашла бы

себе арендатора, так как Лига или какая-нибудь другая тайная организация приговорила-бы изменника к смерти, а крестьяне сожгли-бы его нивы и истребили скот. Положение становится невыносимым для самих помещиков; в одних уездах стоимость земли пала на две трети, в других помещики являются лишь номинальными владельцами своих имений: они не смеют даже показаться крестьянам без охраны полиции. Земля остается невозделанной, и, по словам Financial Reformer за 1879 год, ценность урожаев пала на 250 миллионов франков, а количество обрабатываемых земель уменьшилось на 33.000 гектаров.

Положение дел принудило Гладстона дать ирландским представителям формальное обязательство представить в парламент проект закона, по которому владения крупных помещиков будут отчуждены и употреблены на общественные нужды, земля будет объявлена собственностью нации и продана народу на условиях ежегодных погашений в течении 25 лет. Такой закон не мог быть, конечно, вотирован английским парламентом, так как он нанес бы смертельный удар принципу земельной собственности в Англии. Уладить конфликт мирным путем не предвидится никакой возможности. Повсеместное восстание крестьян может быть предотвращено еще раз, как в 1846 году; но не далек тот день, когда ирландский народ выйдет, наконец, из терпения после стольких ненужных страданий и обманутых надежд. Как только произойдет малейшая дезорганизация власти в Англии, ирландский крестьянин, подстрекаемый тайными обществами, поддерживаемый мелкой деревенской буржуазией, жаждущей для своей выгоды наступления нового 1793 года, выйдет из своих берлог и осуществит все то, о чем ему говорили агитаторы. Он подожжет дворцы, завладеет хлебами помещиков и захватит земли, о которых он мечтает уже столько лет.

Перенесемся на другой конец континента, в Испанию, и посмотрим, что делается там. В Андалузии и Валенсии, где земельная собственность сосредоточена в руках небольшого числа лиц, целые легионы голодных крестьян ведут непрерывные войны с помещиками. Под прикрытием ночи они истребляют стада, поджигают амбары, уничтожают плантации; каждому, посмевшему выдать предводителей, и судье, привлекающему их к ответственности, не избежать смерти. В Валенсии стачка мелких фермеров, отказывающихся платить арендные деньги, продолжается годами; горе дерзнувшему нарушить это взаимное соглашение!

Могучая тайная организация, вывешивая по ночам на деревьях прокламации, постоянно напоминает своим союзникам, что если они изменяют общему делу, им грозит истребление жатв и скота, и даже смерть.

В других частях Испании, где собственность раздроблена, само государство делает все возможное, чтоб вызвать недовольство. Оно отягощает мелких собственников бесконечными налогами: национальными, провинциальными, городскими, постоянными и временными. Десятки тысяч мелких поместий конфискуются государством и не находят себе покупателей на публичных торгах. Население деревень совершенно разорено почти во всех провинциях и голод заставляет крестьян объединяться и восставать против налогов.

Таково-же положение в Италии. Во многих провинциях земледельцы разорены в конец. Доведенные до нищеты государством, они не платят налогов, и правительство отнимает у

них последний клочек земли. В течение года 6644 мелких имений, стоимостью в среднем по 99 франков, были отобраны. Удивительно-ли, что в этих провинциях царит непрерывное восстание! То фанатик, проповедующий религиозный коммунизм, увлекает за собой тысячи крестьян и настраивает их так, что разогнать сектантов можно лишь градом пуль; то целые деревни захватывают неводеланные поля помещиков и обрабатывают их для себя; то громадные толпы крестьян собираются на площадях перед Городской Думой и требуют, под угрозой восстания, хлеба и работы.

Пусть не говорят нам, что это единичные факты! До мая 1789 года восстания французских крестьян повторялись не чаще и были менее сознательными, а между тем они послужили основой для революции больших городов!

На восточной окраине Европы, в России, аграрный вопрос своим течением напоминает положение Франции до 1789 года. Крепостное право уничтожено и каждая община владеет землей; но наделы так малы, земля местами так неплодородна, а подати, налоги и выкупные платежи так велики, что больше трех четвертей крестьян доведены до самой ужасной нищеты. Хлеба не хватает, и достаточно одного неурожайного года, чтоб голод свирепствовал в целых губерниях, унося многочисленные жертвы.

Но прошло то время, когда крестьяне безропотно переносили всю тягость своего положения. Новые идеи и стремления к лучшему будущему зарождаются в деревнях, имеющих сношения с крупными центрами, благодаря сети шоссейных дорог. Крестьяне со дня на день ждут событий, которые положат конец современному экономическому строю и отдадут им во владение землю, принадлежащую народу по праву. Если какой-нибудь Артур Юнг объедет сейчас Россию, как он объезжал Францию накануне 1789 года, он услышит из уст русских крестьян те же слова надежды и заветные желания, которые записаны в его книге. Повсеместно начались крестьянские бунты. Недовольство растет, и стоит только политическим событиям вызвать малейшее замешательство в правительстве, чтоб среди голодных крестьян, поддерживаемых мелкой деревенской буржуазией, возникло сильное аграрное движение. Мятежи вспыхнут во всех концах, восстание охватит всю Россию, будет продолжаться годами и, изнулив армию и правительство, положит начало грандиозной революции, имеющей громадное значение для всей Европы.

Но если аграрное движение примет во всех этих странах значительные размеры, если в них произойдет экспроприация земель, если вся старая Европа будет окружена, как огненным кольцом, крестьянскими бунтами, неужели все это не отразится на центре Европы, на так-называемых цивилизованных странах? В этом не может быть сомнения. Если мы ознакомимся с аграрным положением Англии, Франции, Германии и Швейцарии, если мы обратим внимание на могучее влияние нового элемента, заставляющего Англию бить тревогу, если мы вникнем в новые идеи и стремления, захватившие крестьян, мы придем к убеждению, что аграрный вопрос требует немедленного разрешения во всей Европе: как в России, так и в Англии, как в Италии, так и во Франции. Мы поймем, что положение стало невыносимым, что так дальше идти нельзя. Не далек тот день, когда современный общественный строй должен будет уступить место новому порядку вещей, порядку, который переродит режим собственности и обработки земли. Тогда крестьянин не будет больше парием общества, он займет достойное место на пиру жизни и прогресса. Тогда

деревня перестанет быть очагом невежества и будет центром, испускающим лучи счастья и благосостояния на всю страну.

II

В предыдущей главе мы видели, насколько плачевно, вернее возмутительно положение крестьян в Ирландии, в Италии, во Франции и в России. Здесь аграрное восстание — вопрос дня. Но в Англии, Германии, Франции и даже Швейцарии, в этих странах, которые мнят себя цивилизованными, положение земледельца также невыносимо.

Возьмем для примера Англию. Двести лет тому назад — это была страна, в которой земледелец, обрабатывая землю принадлежащую ему, пользовался некоторым благосостоянием. Теперь — это страна баснословно богатых помещиков и доведенного до нищеты земледельческого пролетариата.

Четыре пятых пахатной земли, около 23.976.000 гектаров, составляют собственность 2.340 крупных помещиков; треть Англии принадлежит 710 лордам, такой-то маркиз проезжает 30 миль, не выходя за пределы своих владений; такому-то графу принадлежит целая провинция; между тем, как остальные собственники, приблизительно пол миллиона семейств, должны довольствоваться одной третью гектара на долю каждого.

Две тысячи триста сорок семейств получают баснословные доходы, от 100.000 франков до 10.000.000 франков в год. Маркиз Вестминстерский получает 25.000 франков в день т. е. 1.000 франков в час — больше чем рабочий в течение целого года. А в это время сотням тысяч семейств землевладельцев едва удастся заработать тяжелым трудом от 300 до 1.000 франков в год. Крестьянин, обрабатывающий землю, считает себя счастливым, если, работая по четырнадцати или даже шестнадцати часов в сутки, он получит от 12 до 15 франков в неделю — ровно столько, чтоб не умереть с голоду.

Позорное богатство и бессмысленные траты бездельников наряду с вечной нищетой крестьянина.

Вы читали, должно быть, что, благодаря сосредоточению собственности в руках небольшого числа лиц, Англия стала самой культурной страной. Лорды не обрабатывают сами своих земель и отдают их в аренду фермерам, но за то фермеры — говорят вам — делают из этих владений образцы рационального земледелия.

Это все было верно когда-то; теперь же дело обстоит совсем иначе.

Огромные пространства остаются невозделанными или обращаются в парки, чтоб осенью помещик мог устраивать в них охоту для своих гостей. Несколько тысяч людей нашли бы себе пропитание на этих землях. Но хозяину нет до этого дела: он безумно расточает свое состояние и для удовлетворения своих прихотей отнимает у крестьянина последний клочек земли.

Огромные пространства, которые когда-то возделывались, отданы теперь под пастбища. Тысячи и тысячи земледельцев были изгнаны помещиками, их поля, кормившие народ, превращены в луга для разведения быков, служащих пищею богачам. Количество засеваемой земли со дня на день уменьшается.

Даже фермеры, возделывающие от 50 до 100 гектаров земли, эти мелкие буржуа, стремящиеся стать господами и жить чужим трудом, разоряются теперь. Внося громадные арендные деньги, они не могут улучшить своего хозяйства и бороться с конкуренцией Америки и Австралии. Газеты полны объявлений о продаже с торгов их ферм.

Вот каково аграрное положение Англии. Народ, оторванный от земли, стремится в большие города, в мануфактурные центры, где идет ожесточенная конкуренция между голодающими. Земля сосредоточена в руках горсти помещиков, получающих баснословные доходы и расточающих их на бессмысленную и непроизводительную роскошь. Посредники, фермеры хотели-бы стать мелкими собственниками, но, разоренные непомерной арендной платой, они переходят на сторону народа, чтоб помочь ему вырвать землю из рук крупных помещиков. Это ненормальное положение земельной собственности отражается на жизни всей страны.

Удивительно-ли, что крик „Национализация земли!“ и стал девизом всех недовольных. Лига Земли и Труда еще в 1869 году требовала конфискации земель крупных помещиков; теперь эта идея получила широкое распространение. Лига деревенских рабочих, насчитывающая у себя 150.000 членов, стала также требовать экспроприации земель помещиков, между тем, как десять лет тому назад единственною её целью было поднять заработную плату путем стачек.

Ирландская Лига Земли ведет широкую пропаганду в Шотландии и Англии и везде встречает сочувствие. Мы знаем каковы будут её дальнейшие действия. Она объявит, что арендная плата уменьшена на одну четверть, по решению Лиги. Она будет всеми силами препятствовать изгнанию крестьян, вносящих три четверти арендной платы и терроризировать трусов, вносящих деньги сполна. Став организованной силой, она вооружит крестьян и объявит отмену арендной платы. В решительный момент она сделает то, что делали французские крестьяне от 1789 до 1793 года: огнем и мечем принудит помещиков отказаться от своих прав на землю.

Трудно предвидеть, какова будет новая форма владения землей в Англии после революции; это зависит от продолжительности революции и от противодействия, которое аристократия и буржуазия окажут революционным идеям. Однако несомненно, что Англия идет к уничтожению частной собственности и что этот переворот не произойдет мирным путем; для осуществления своих целей английский народ будет принужден прибегнуть к оружию.

III

Франция

Как будет возмущено население французских деревень, если оно прочтет, что пишут про его жизнь господа депутаты и экономисты. В своих красивых книгах они говорят: „почти все крестьяне состоятельны и вполне довольны своей судьбой: у них достаточно земли и скота; им не трудно платить налоги; арендная плата не высока, крестьяне получают большие доходы и ежегодными сбережениями увеличивают свое состояние“. Крестьяне от души ругают этих господ, и они вполне правы.

Рассмотрим, из каких элементов состоит двадцати четырех миллионное деревенское население и каково число тех, которые довольны своим положением.

Начнем с того, что во Франции около 8.000 помещиков владеют землями, приносящими от десяти до двухсот тысяч франков в год.

Они, конечно, довольны своей судьбой. Проведя несколько летних месяцев в своих поместьях, забрав доходы, полученные благодаря тяжелому труду наемных рабочих и фермеров, они устремляются в города, где спускают эти деньги.

Там они пьют шампанское полными бокалами с женщинами, которым бросают горсти золота, живут в роскошных дворцах и не знают чем украсить свой обеденный стол. Их ежедневного расхода хватило-бы на прокормление целой семьи в течение полугода. От этих сытых баловней судьбы вы не услышите, конечно, жалоб; если они и недовольны чем-нибудь, то исключительно тем, что крестьянин со дня на день становится менее сговорчивым и отказывается работать даром.

Не будем говорить о них. В день революции они услышат наше слово.

Ростовщики, маклера и торговцы, как коршуны, набрасываются на деревню и, придя из города почти без гроша, возвращаются туда богатыми собственниками и банкирами; нотариусы и адвокаты возбуждают и ведут процессы против крестьян; инженеры и чиновники грабят народ и бессовестно расточают государственные и общественные деньги. Вся эта шайка, как моль, съедает деревню и разоряет города. Они, конечно, довольны существующим строем и не желают никаких преобразований. Крестьяне, доведенные до нищеты векселями; фермеры, разоряющиеся на процессы; бедняки, из которых высасывают последние соки окружающие их пауки, — вот все, что нужно этим ростовщикам. Города и деревни, беспрекословно повинующиеся правителям; государство, расточающее общественное достояние, — вот все, что нужно чиновникам. Когда Франция будет окончательно разорена, они пойдут набивать карманы в Венгрию, в Турцию и даже в Китай. Ростовщичество не имеет родины.

Эти эксплуататоры довольны своим положением. Но сколько их? Пятьсот тысяч? Миллион, может быть? Вполне достаточно, чтоб разорить в несколько лет деревни, но слишком мало, чтоб оказать сопротивление восставшим крестьянам.

Рассмотрим положение помещиков, имеющих от 50 до 200 гектаров земли. Им нет дела до благосостояния человечества, до чужой нищеты; в случае каких-нибудь преобразований, единственной их заботой будет удержать свои владения. Если они находятся в нужде, их не покидает надежда выйти скоро из этого положения: счастливая спекуляция, выгодное

предприятие, смерть богатого родственника, кончившего жизнь самоубийством, — и благосостояние вернется. Нужда и труд им не знакомы. Для обработки своих земель, они нанимают рабочих, платя им за тяжелый труд от 250 до 300 франков в год.

Они, несомненно, будут врагами революции; уже теперь они враги свободы и равенства, оплот эксплуатации. Этих помещиков около 200,000, и они представляют значительную силу. Государство считается с ними, а их богатство обеспечивает им большое влияние. Что станут делать эти эгоисты во время революции? Конечно, не сопротивляться потоку восставших народов. Они благоразумно запрут у себя и будут ждать окончания борьбы.

Помещиков, имеющих от 10 до 50 гектаров земли, значительно больше. Их около 250,000, приблизительно 1.200,000 считая и семьи. Четверть пахотной земли всей Франции принадлежит им.

Эти не порвали еще с деревней и пользуются там большим влиянием. Они обрабатывают сами свои поля и остались до сих пор, в сущности говоря, крестьянами. На их консервативный дух и рассчитывают реакционеры.

В первой половине нашего века этот класс земледельцев, продукт великой революции, пользовался некоторым достатком; тогда он был против всяких преобразований, так как боялся потерять все завоеванное им во время революции. Теперь условия значительно изменились. Во всей Франции, за исключением некоторых частей (юго-запада, например), земледельцы этой категории терпят уже нужду. Они не могут делать сбережений и увеличивать своих имений, которые раздробляются вследствие разделов. В то же время арендные условия стали так тяжелы, что им приходится платить бешеные деньги за землю.

Владея клочками земли, рассеянными там и сям, они получают скудные доходы и с трудом выплачивают повинности. Хлебопашество не приносит почти ничего, а скотоводство дает самые незначительные барыши.

Государство обременяет этих мелких помещиков налогами и община тоже не щадит их: лошадь, повозка, удобрение — все обложено податью. Налоги растут с каждым днем и своими размерами напоминают времена монархии. Крестьянин опять стал вьючным скотом для государства.

Ростовщики разоряют их; подати обременяют; фабриканты эксплуатируют, заставляя платить за каждое орудие тройную цену. Они только воображают себя владельцами своих имений, но на самом деле не пользуются их доходами и работают для обогащения ростовщиков, для прокормления чиновников, для доставления шелковых платьев и богатых выездов женам фабрикантов, для услаждения жизни всем городским паразитам.

Вы думаете, крестьяне этого не понимают! Как же! Они прекрасно все знают и как только почувствуют в себе силу, не замедлят стряхнуть с себя иго этих господ, живущих на их счет.

Мы рассмотрели положение одной десятой деревенского населения. — Поговорим теперь об остальных.

Остальные — это четыре миллиона отцов семейств (всего около 18.000,000 человек), имеющих в лучшем случае пять или три гектара земли, иногда одну десятую гектара, а большею частью — ничего. Из них 8.000,000 едва сводят концы с концами, возделывая свой жалкий клочек земли и посылая ежегодно в город на заработки десятки тысяч своих детей; 7.000,000 живут тяжелым поденным трудом, в редких лишь случаях имея домик и маленький сад; один миллион истощенных, умирающих с голоду живет изо дня в день, питаясь картофелью и хлебом... — Вот основное население французских деревень.

Экономисты не принимают в расчет этой массы. Для вас же она все; она — народ, а остальные — грибы-паразиты, присосавшиеся к стволу старого дуба.

И про этих людей нам говорят, что они богаты, довольны судьбой, не хотят перемен и не станут слушать социалистов!

Заметим прежде всего, что каждый раз, как мы говорим с крестьянами, просто и ясно излагая наши мысли, они охотно выслушивают нас. Мы им не предлагали, правда, выбрать нас депутатами, не излагали в длинных речах теорий научного социализма, не советовали отдать землю в руки правительства, которое будет распределять ее по усмотрению своих чиновников. Если-бы мы им предложили подобные глупости, они бы действительно повернули нам спину и были-бы совершенно правы.

Мы излагали крестьянам свои взгляды на революцию и всегда встречали сочувствие; они говорили, что их идеи и стремления вполне совпадают с нашими.

Вот, что мы говорили крестьянам:

„Раньше земля принадлежала коммуна, состоящим из земледельцев, которые сами обрабатывали свои имения. Но путем обманов, силы и ростовщичества, спекуляторы завладели всей землей. Теперь крестьянин не имеет клочка земли для обработки и не может прокормить своей семьи, между тем как богачи не обрабатывают сами своих владений и выжимают из них последние соки для удовлетворения своих безумных прихотей.

Надо, чтобы крестьяне, организовав коммуны, вернули себе свои земли и отдали их в пользование тем, которые сами будут их обрабатывать.

Заклад недвижимых имуществ — явная несправедливость. Никто не имеет права за то, что одолжил вам денег, присвоить себе вашу землю, потому что земля приобрела цену, благодаря труду ваших отцов, которые ее возделывали, строили деревни, проводили дороги, осушали болота; теперь она производит только благодаря вашему труду. Интернационал будет считать своим долгом сжечь все ипотечные бумаги и положить конец этому постыдному установлению.

Налоги, взимаемые с вас, поедаются шайкой чиновников, никому ненужной и безусловно вредной. Упраздните же их. Провозгласите вашу полную независимость и объявите, что вы сами возьметесь за свои дела.

Вы хотите провести шоссейную дорогу? — Сговоритесь с соседними коммунами и вы это сделаете лучше, чем министерство общественных работ. — Вам нужна железная дорога? Заинтересованные коммуны проложат ее гораздо лучше, чем подрядчик, который захочет нажить миллионы на этом предприятии. — У вас нет школ? Устраивайте их сами, не прибегая к помощи разных господ из Парижа.

Придется-ли вам защищаться от врагов? Устраивайте сами свою защиту и не прибегайте к помощи генералов, которые обязательно изменят вам.

Помните, что никогда ни одна армия не могла остановить нашествия завоевателей, между тем как народ, когда он хотел сохранить свою независимость, побеждал самые сильные армии.

Вам нужны орудия, машины?

Войдите в соглашение с городскими рабочими, и они будут доставлять вам их в обмен на продукты; вы их получите за свою цену, не переплачивая фабриканту, который наживается, обирая крестьянина-покупателя и рабочего, изготовляющего эти орудия.

Грозная сила правительства не страшна. Все эти правительства, как-бы они не казались несокрушимыми, рухнут под первыми ударами восставшего народа. Не трудно предвидеть, что через несколько лет вся Европа будет охвачена революцией, которая подорвет авторитет власти. Воспользуйтесь этим моментом, чтоб произвести вашу революцию. Прогоните крупных помещиков и объявите их владения общественной собственностью, уничтожьте ростовщичество, положите конец ипотеке и провозгласите вашу полную независимость. Городские рабочие произведут тем временем свою революцию в городах. Тогда организуйтесь свободно, основывайте коммуны; остерегайтесь тех, которые под видом благодетелей крестьянина будут навязывать вам свои услуги. Делайте все сами, не надейтесь на других”.

Вот, что мы говорили крестьянам.

Единственное возражение, которое мы встретили с их стороны, касаясь не сущности наших принципов, а их практического применения.

— „Все это верно и было-бы осуществимо, говорили они, если-бы крестьяне могли сговориться!”

Так поможем-же им сговориться! Будем пропагандировать наши идеи, распространять прокламации, облегчать сношения между деревнями, а в день революции пойдем сражаться с ними, за них.

День этот гораздо ближе, чем это предполагают.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 23 апреля 2025 23:25:54

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 23 апреля 2025 23:27:05